
Жёлтая в сумраке светит луна –
Глаз жабоватый и злобный.
Я и в толпе остаюсь одна
Вечною незнакомкой...
Тикают часики в смрадном чаду,
Тени, неясные, в танце.

Я себя ведьмою назову,
Ведьмой осенних багрянцев.
Миг заклинания тонок и прян,
Много оттенков и звуков.
Тело источит в здоровье изъян,
Сердце – любовная мука!
Ты помечтаешь о бликах костра,
Крестик во тьме поцелуешь.
Ты ведь не знаешь, что ты, как и я,
Веруешь, молишься, любишь...
Желчь или яд – не сочатся с луны?
Нет в этом мире колдуний?
Я промолчу, но приду в твои сны.
Что же ты скажешь мне, дурень?
Я ль не ведунья из сказочных грёз,
Только одёжка другая...
Желтая в небе мне светит луна,
Жабьим глазком мне мигая...

Облака – стайка корюшки в небе.
Это блики воздушной волны,
И снегов эверестовых дети,
И чистейших младенчиков сны...
Херувимы их лепят из неги,
Из космической пыли времён,
Потому всех веков менестрели
Их воспели в стихах, в унисон...
Облака – это тема простая
И красивая, как журавли...
Что средь них и живут, и летают,
Восхищая глаза всей земли...

Париж – не Эйфелева башня
Он много больше и мощней
Он цвета пепла, цвета сажи
Он – меланхолия вещей...
Он – и месье во френче лёгком

И дама в траурных очках
Он смесь веков, дорог, осколков
Он Клод Моне и Ренуар...
Гюго, Мольер, Бальзак и Флобер
Минимализм, вошедший в жизнь,
Париж не башня из оскомина
Париж – летящий в небо стриж...

По английским полям, где бродил менестрель
Где-то в бездне прошедших веков
Я хочу пробежать, я хочу пролететь
И коснуться столетних дубов...
Вдоль по вереску плыть, и считать облака
Робин Гудом прикинуться вдруг
Верю в сказки давно, верю в сказки всегда
Жду чудес, как другие не ждут...
И пускай мне не будет ни шанса взлететь
И умчаться в другие миры...
Я смогу написать, и поверить себе
Что свершилась частичка мечты...
Что и я прикоснулся к британским лугам
И на лютне играл королю...
Вот такую вам сказку придумал я сам...
Чудеса я лишь сердцем творю...

Стихи рождаются случайно
Из тонких нитей паутин
Чаинок в полной кружке чая
Из разноцветных пряных глин...
Стихи слагаются непросто
Нутром писать, что кровь сочить,
Но почему-то невозможно
Без этих действий дальше жить....
Стихи читаются невольно,
Когда мгновенье, словно пик,
Когда блаженно, грустно, больно,
И мир эмоцией горит....

Стихи останутся, конечно,
Как пирамиды и луна,
Рыдания навзрыд, подсвечник,
Как вечность в краткой грёзе сна...

Где-то в северных морях воеет сонная касатка,
Убаюкивая сладко
Глубину холодных вод...
Ей, не ведавшей о звёздах, очень близок тёмный космос,
И её последний воздух
В гуле плотном пропадёт...
Этот кит, такой угрюмый, и опасный, как стихия
Кажется таким наивным
Мне, что дикое дитя...
То, что кажется столь грозным, монолитным, мощным, страшным
Может стать печально павшим
И стонать от страшных ран...
Разве сильный – значит, грубый? Разве зверь большой бессмертен?
Человечеству приметен –
Значит, можно убивать?
Лишь услышав песнь касатки, ты подумаешь иначе,
Ты поймешь, что сердце плачет...
А моря продолжают спать...

Я нарисую выдуманной кистью...
В тетради рифмой подведу деталь,
В волнах речных расплывшийся фонарь...
Я нарисую теплую улыбку,
Портфель, пропахший запахом конфет
И милую бумажную открытку...

Карга, горгулья... Иль японский карп...
Что мне покажет вотчина Морфея?
Мечты, желанья, весь невольный скарб,
Я знаю, что он точно все проверил
И подберёт особенный мне тон

Для облаков, для вишен или груши...
И если мне приснится вдруг Босфор,
Я знаю, в жизни он не будет лучше!
Мне хочется поверить в силу сна,
В предвестия за алой парусинной...
Я засыпаю – залпом и до дна
До погруженья в новые картины....

Пианисты нумеруют пальцы –
Я узнала это от тебя...
Помнишь, как искали что-то в святцах,
Громко обсуждая имена?
Что не увлечение в нашей дружбе,
То и странность, только на двоих...
Долгие рождественские службы,
Летние, душистые венки...
Диккенс и немножечко Лавкрафта,
Сбор полыни, мяты и хвои...
Наша дружба странно начиналась....
Пальцы пианиста: раз, два, три...

Гроза гремит – как цех у юных швей,
Где шпулькам отдохнуть минуты нет,
Ритм беспощаден, словно канитель...
И молнии дают недолгий свет...
Гроза промчится, пошумев в ночи,
И швей на рассвете все заснут
Немногие заметят блеск парчи
На облаках, плывущих наверху...

Есть недостатки у всего
И даже тонкое стекло
Изрезано грядями ранок
Однако же хрусталь так гладок
Пока не выищешь изъян
Напиток винный также пьян

В надтреснутом резном стакане
Но как придирчивы мы с вами
К стаканам, людям, городам
И как недостаёт всем нам
Любви к вещам оригинальным
Пускай совсем неидеальным
Однако же так близким нам